

Из дневника 1952 года

Р. Г. Назиров

1 января 1952 года.

В звоне бокалов, в журчании винных и водочных потоков, в стуке каблучков, в шорохе юбок, в звуках поцелуев, в «вакхических» криках... и т.п и т.д.

Ушёл старый год.

С новым годом, с новым годом! За мирную жизнь! За советскую власть! За ваше здоровье! И чтоб не в последний раз! С новым годом, с новым счастьем!

2 января 1952 г. Я немного счастлив. Мне здорово хорошо. К чорту! Лучше изложу...

Вчера новогодняя вечеринка у Вити Торопчина. Я пошёл мрачный, с идиотской мыслью: «Плохо быть бедным.» Моя доля в складчине была бутылка мадеры, которую я нёс в кармане.

Я стоял в комнате и возился с радиолой, когда пришли с Геркой, Женя, Муся, Галя. Витя говорит им, раздевая их: «Ну, что вы, не одни: У меня там Ромка с радиолой возится» — «Ромка? Назиров? — (Женя нарочно говорит громко абы слышал я). — Ну, знаешь, Герка, это просто подлость!»

Женька ставила условие, чтобы меня не было на вечере. Ребята не пожелали ей подчиняться. Она сделала вид, что страшно разгневана.

Добрых полтора часа мы обменивались сарказмами и ломали копыя. Ребята с улыбкой наблюдали эту дуэль. Это было забавное зрелище (и слушалище). Попутно я острил и вообще, на иные темы. Удобную мишень для насмешек представлял довольно красивый, но зверски глупый и самоуверенный враль чернокудрый хохол Баррик Иващенко. Он в связи с какой-то девочкой помянул, что возымел в результате «знакомства» с ней синяк под глазом. Я говорю: «У Бальзака есть роман «Невзгоды супружеской жизни»» Женька начинает язвить своим серебристым голоском, Галя ей подпевает своим бархатным. Я с достоинством отпарировал их насмешечки quant a Balzac, тогда Женя задала резонный вопрос: «В связи с чем ты вспомнил это?» Я: «В связи с гарькиным синяком.» Тут-то до них дошло: хохот громовой. Я уже не помню, как, с чего — мы начали разговаривать с Женичкой. Но мы с ней говорили, разбирали пластинки. Я сделался ручным и очень вежливым: «безукоризненно нежным — не мужчина, а облако в штанах.» С Женей мы перестали резаться, говорили неплохо. Я раскопал для них интересные пластинки: «Mickey Mouse» и фокс «Oh! Oh! Oh!» («Охохо!»), зверски смешной, он понравился Гале.

У меня в этом месте туманное пятно в памяти. Не помню мелких деталей переходного периода. Помню во время одного tango Витька толкает меня в бок. Два-три слова уговоров

и я решаюсь: подхожу к Женке. По её лицу пролетела изумительная улыбка (она очень славно улыбается и смеётся): лукавство, внезапная радость, торжество, веселье.

Как с ней хорошо танцевать!.. Но что я! Я же забыл, это было уже после выпивки.

На столе было много разного добра: в стеклянном конусе с остроконечной затычкой чернело «красное» вино градусов в 17 (для девочек); в более нормального вида графине была жёлтая яблочная настойка (20 градусов), для нас. Она оказалась сладенькой и слабенькой. Я сидел между Женей и Галей, но не боком к ним, а лицом (на узкой стороне стола). Разговаривая с Женкой, я под столом приложил колено к Галькиной ноге. Поддержала и через 2 минуты убрала — хохма! С Женей мы очень добродушно, просто, как старые друзья, разговаривали. Она немножко выпила, покраснелась и стала ещё лучше. В минуту злости я писал, что у неё плохие зубы — да нет же, оказывается — ничего. И косы средней хорошесть, а насчёт косоного глаза — не замечаю этого! Нет, не заметил. Во всяком случае вчера она была изумительно хороша.

Пили за здоровье девочек: я подчёркнуто пью до последней капли. Герка обращает на это их внимание. . .

И были танцы вновь. Я, как написал выше, пригласил Женю. Боже! Как хороша. Улыбка, но встала, мгновенно сделалась серьёзной, и мы пошли. Я взял её за талию потеснее; запах её духов налетал волнами, высокая грудь по временам касалась моей, ноги касались моих ног, и лёгкие волосы проходили по моему лбу.

Паненка Евгения, *dusze moja! Stonko moje!*

Какая фигура, ноги! Золото моё! Тьфу, к чорту! Какая дрянь липнет на язык. Я ж совсем не то хотел сказать. . .

Женя. . . Сердце. . .

Я танцевал и с Галей, и с Мусей. Мусю я не прижимал совсем, я держался почтительно. Этой девочке нужно поклоняться, это не Женя, не Галя.

Я не виню Женку. У неё есть темперамент, а она держит себя хорошо, и это ставит её недостижимо высоко над такими, как Валя Ищенко. У этой тонконогой птички Вали нет темперамента, а есть уже реальные любовные приключения. Да что там секретничать! Дневник не для чтения, раньше 2.000 года напечатан не будет, можно не секретничать: В. И. не девочка. И не девочка гнуснейшим образом: сама снимала одежду с пьяньегого. Но довольно!

Женька честная, огненно весёлая, искренне жизнерадостная. Её красота жива, изменчива, подвижна. Я танцевал с ней, её кудрявая головка сонно клонилась уж на гибкой шее; шея (*la gorge*) — белая, нежная; невинное горло с жилкой. . . Дьявол! Почему такие избытые слова и банальные сравнения лезут в голову? В воротнике виден верхний вырез тела, маленький кусочек.

За кофе Женя уже очень хотела спать; расслабленная, нежно румяная, она стала слаба на смех; вино кружило ей голову; её залихватый детский смех вызывал изумлённое ласковое восхищение во мне. Ей хотелось спать, она походила на ребёнка, которого стараются

расшевелить смехом, который смеётся против воли, не хочет смеяться, но ему весело, и это ещё более смешит его.

После кофе пошли по домам. Галя ночевала у Жени. Мусю мы проводили до дома.

Она рассказала по дороге. Однажды на уроке истории повторяли курс 8-го класса. Женя и Элька Гудаева были заняты оживлённым разговором. Анастасия Алексеевна, мать Геры, историчка, говорит: «Гудаева, повтори, о чём мы сейчас говорим!» Элька вскакивает и задорно говорит: «Князь Игорь потерпел поражение, т.к. был слишком самолюбив.» Женька взлетает, красная и гневная: «Врёшь!» Девчонки во всём классе раздражаются гомерическим хохотом.

Нет, Женька — это не Эльвиретта, Женька — это радость, Эльвира — это просто симпатичная и тёплая самка, не слишком женственная даже, так!

Женя. Это другое.

Только что сообщило радио: позавчера умер после долгой болезни Максим Максимович Литвинов, знаменитый большевик из славной плеяды первых дипломатов-коммунистов оставшихся в живых. При нём были установлены дипломатические отношения со Штатами. Он был наркомом иностр. дел.

Вечером. Днём пошёл я в город. Встретил Галю с Женей. Галя ещё только возвращалась домой после вчерашнего: они спали до полдвенадцатого, к 12 побежали в театр, я их встретил в пятом часу. Галькино лицо было желтовато. Я дошел с Женькой до её дома. Через полчаса я узнал от Альки Касимова, что она разругалась с Игорем Кузнецовым, который закатил ей дикую сцену на катке (вот тебе и мямля: лопнуло собачье терпение). Валька Егоров тоже поругался с Галей. На новогоднюю вечеринку 31 дек. у Танюши подруги пришли без кавалеров. Игорь не пришёл; Валька пришёл пьяный и «рисовался своим горем» (по меткому замечанию Аиды, Алькиной девушки, моей дальней родственницы). Дурак изображал перед Галькой немую сцену «с тоски упился», стал пить дальше, его вырвало. Идиоты! В третьем часу Галя и Женя ушли домой, Алька проводил Аиду и вернулся: в доме Тани было дикое . . . дство! Я не говорю, что они занимались физическим развратом, но то, что они делали, хуже: ложились с девчонками в постели (правда, одетые), целовались до одурения, обжимались и др. Я не холоден, но в здравом сознании не променяю поцелуя Женьки Гетнер на целую ночь с Валькой Ищенко, будь она в платье a la Venus de Medicis и готова подчиниться любым моим повелениям. Начисто мне такая роскошь! Слаще раз обнять честную девушку, чем сделать женщиной такую, как Валька.

А ргоров, говорят, Таня Ширшикова всё же не далась Вовику. Это было бы с её стороны изумительно умно. Не знаю. Но в невинности Вальки я сомневаюсь.

4 января. Вчера был у нас бал-маскарад. Я танцевал с Аллой Елагиной, Эльвиреттой, Полей, один раз с Элькой Гудаевой, с Мусей Ивановской, с Галей Козьминых (очень немного), с Галей Токаревой, с Лялей Еникеевой, с Лялей из 10 «б», с Эрой (троюродной сестрой), с Тамарой Лукиной. . . Уф, кажется, всё!

Эльвирка говорит: «Ты очень прогрессируешь.» Объявила мне, что я прекрасно танцую. Да! Я ещё сначала прошёлся с Танюшей, которая вчера была «на большой». Словом, я вчера танцевал ударно с девчатами, больше всех с Эльвиркой, заставляя острое и художавое лицо Толи покрываться багряными пятнами (ревнив, дурачок! в наш-то век, время полного равноправия полов и свободы выбора). Вчера было много и колен, и грудей; правый рукав куртки у меня ещё сегодня источал какой-то неясный аромат, так он пропах духами девчонок, клавших руку на моё плечо. А ведь это очень приятно: танцевать с девочкой.

Женька — роман Стендаля. Эльвирка — роман Мопассана.

Муся — возвышенная поэма, исполненная в простой и милой форме.

И всё это очень неплохие девчата. Но всё же я предпочту Стендаля Мопассану.

А сегодня у меня был тяжёлый день. Меня вызывали на комиссию. Близорукость — 8,5; «Н. Г» — «не годен», во всех случаях; исключают с учёта. В этой пометке тяжёлый и унижительный смысл. Не годен!

Одно утешение: если будет большая война, меня не оставят в тылу. Ведь и у нас была в 1943г. Довольно-таки тотальная мобилизация. Брала и близоруких: я знаю, что так погиб на войне журналист Калинович, с которым мама была знакома.

А всё-таки для общечеловеческого дела, которое делает наш народ и партия большевиков, я очень и очень годен. Я это докажу.

7-го (января). Понед. Вчера был в кино с Виреттой. У кассы встретил Галю и Женю. Эх, Женя!

9-го (января). Вчера (и отчасти сегодня — до половины второго ночи) был бал-маскарад в Оперном. Посмотрел балет «Лебединое озеро». Танцевал. С девчонками — ни разу. Учился танцевать танго Шурка Охотников из нашего класса: я его таскал. Очень по-хорошему разговаривал с Галей и Женей. С Женей мы разговаривали, стоя на уровне двух дециметров. Шутил — смеялась. Ушли они рано, меньше часа. Провожал их Валька Егоров, к-рый опять сблизился с Галькой (чуть не в сотый раз).

Да, наконец, до меня дошло: Виретта — предмет любви Оскара Ильёсова, ему помогает Толька Мельников. Женька? Что-то никто в неё не влюбляется. Игоря давно не видно. Герки вчера не было на балу.

19-го января. Суббота.

Оказывается, Кейзи Джонс — историческое лицо. Хозяева поставили ему памятник. Ну, рабочие тоже воздвигли ему памятник, только нерукотворный.

Не так давно наши сбили в Корею американца, летевшего на Китай (они вновь и вновь бомбят Китай), нашли карты китайских провинций и наших пограничных областей. Ниш-тец!

За 1951г. авиапром-сть США расширилась на 67 %.

На предприятиях, выпускающих текстиль, готовую одежду и автомобили массами увольняют рабочих.

В автомобильной промышленности 140.000 рабочих из них 120.000 в Детройте. В октябре прошлого (1951) года в США было 1. 616.000 безработных (по официальным данным); всех безработных и занятых от 1 (одного) часа до 23 часов в неделю по официальным данным 12 миллионов. И те, и другие голодают. Прибыли монополий неуклонно растут, достигая «звёздных» цифр. Этой механикой заправляет долговязый Чарли Вильсон, добившийся у конгресса 77 с лишком миллиардов (долларов) на военные цели.

Они уже разработали военные планы. Базы построены, самолёты ждут на аэродромах приказа, горючее готово, бомб сколько угодно. «Пушки не любят молчать» Чем это кончится?

И долго они там в Штатах будут терпеть эту волюнку?

20 января. Воскресенье. Был сегодня у Эли Гудаевой (вместе с Витькой и Геркой). Она сидит на одной парте с Евгенией Владимировной Гетнер. Элька показывала нам карточки; было лишнее женькино фото. Она говорит: «Хочешь, бери.» Я сбил разговор на др. темы, а потом потихоньку, полегоньку отправил карточку в карман. Краса! Фото зверски обрезано, но всё же прекрасно — крупный план, красива чертовка. Тоже снимок лагерный.

25 янв. Опять у американского лётчика военные карты наших районов. Нашли карту Пекина (уже во многих раз), Мукдена, района Порт-Артура и Дальнего, Владивостока.

Английский журналист Пейн недавно выпустил в Нью-Йорке книгу «Красная гроза над Азией». «Мы должны осознать всю глубину изменений, происшедших в Азии за истекшие 5 лет: кажется, будто промчались целые столетия революционных бурь.» « В данное время бессмысленно питать надежду, что поток удастся запрудить.»

В 1951г. Уильям З. Фостер написал книгу «Закат мирового капитализма». Её посвящение: «Моему правнуку Джозефу М. Колко, к-рый будет жить в коммунистических Соединённых Штатах.»

Уже не только Азия! Волнения в Марокко, египтяне всерьёз подумывают о разрыве дипотношений с Англией, в Тунисе всеобщая забастовка, отчаянная борьба безоружных против полиции, солдат, военных моряков. В Тунисе кровавые расправы, тюрьмы набиты.

Вот один из величайших результатов Октября: в колониальных странах нарастает «гигантская антифеодальная и антиимпериалистическая революция. (Поспелов)»

Недавно отставной генерал Холдридж написал в провинциальной американск. газете «Ньюс»:

«Война — это бизнес Америки. «Концерн убийств» стал нашим главным предприятием, в к-рое мы вкладываем 100 миллиардов долларов ежегодно. Если бы мы внезапно лишились этого источника прибылей, наша экономика рухнула бы за один день.»

В Штатах началась предвыборная кампания. Кандидаты: ставленник Моргана генерал Эйзенхауэр, «boy» Меллона сенатор Тафт, губернатор Калифорнии Уоррен, реакционный политик Гарольд Стассен, даже Трумэн (в прошлые выборы за него «проголосовали» Дюпоны, Морганы и Рокфеллеры). Трумэна не выберут (а то и не выставят).

31 янв. В Москве умер от рака почек маршал Чойбалсан. Траурный поезд везёт его в Моноголию.

3 февраля. Воскресенье. Завтра мне исполняется 18 лет.

Вчера было сразу три вечера: в третьей, в нашей и в сорок пятой. В нашей и в сорок пятой школе происходила традиционная ежегодная встреча с бывш. выпускниками школы, студентами вузов и втузов. Я толкнул речь у нас, немножко потанцевал, потом мы целой толпой рванули в школу № 45. Там я танцевал с Тamarкой Лукиной: *J'aime mieux aujourd'hui des jeunes filles de la bonne constitution et de grand temperament — ces filles ne craignent pas le toucher de la poitrine du jeun homme a leur poitrine* — Фу, еле добрался до точки! Интересно, верно ли построена фраза?

Галина Константиновна чем-то обижена; она мне подпустила шпильку, крохотную, несмелую, *mais s'est fait*, это была колкость. Но в конце вечера я был вознаграждён: Женька подошла и спросила листочек бумаги и карандаш. Я дал бумагу и пошёл за карандашом, принёс ей карандаш, она: «Спасибо, Рома, я уже нашла.» — Я не маленький, у меня есть какая-то крупица здравого смысла: она очень легко могла достать и бумагу и карандаш у девчат.

Нет, всё же моя персона — величина положительная, выражаясь математически, $ego > 0$; Женичке не так уж безразличен. Эх, романтика! А если она просто хотела поближе рассмотреть мой новый костюм и галстук?

Геруля взял курс на Г. К. К. Он устроил у себя в пятницу вечеринку: он, Женя-Галя-Муся, Гаррик Иващенко, Витька. Там-то он и повёл новый приступ на Галю, танцевал всё с ней. Женя, грустная, сидела и гоняла пластинки на радиоле, а выпавший на её долю Гаррик не мог её развеселить. — Герка говорит, что некто спрашивала почему нет Ромы: дескать, его всегда приглашают. . .

Oh! Quelle martyre voir, parler et se ne pas croire pareil. . . et pourquoi?

5 февраля. Вчера исполнилось 18 лет.

Не повезло: болен есмь. Вчера не пошёл в школу, сегодня тож. Пришли навестить хлопцы: сосед по парте Юр. Дим Поройков. Боря Шендерей (гарный парубок); Нарик Ахмеров принёс фото: я, Саша Танкин, Алине-ана (Нарика мама) и Нарькин папа, встречаем новый год. Фото прилагаю.

Сказывается привычка каждый день встречать на улице Женьку: вот уж два дня мне чего-то не хватает («чего-то?» Ясно, чего!), Не знаю. Смогу ли быть в субботу на вечере. Ах, жалко будет, если не смогу!

В инкабинете читаю по французски *Contes arabes*, “Mille et une nuit”. Редкое издание, перевод Galland’a, дата — MDCCLXXIV. Из коллекции богатого дореволюционного библиофила Пашкова. Там много пашковских книг, преимущественно французских, XVIII века. Я сам видел «*Voyage de jeun Anacharsis*». Я выбрал сказку «*Amours de Prince de Perse Ali ebn Becar et de la belle Chemselnihar la Favorite de Calif.*» скоро я её кончу. Забавная орфография: никаких «аксанов», в *imperfect* окончание глаголов совсем другие, вместо *etait-etoit*, вместо

avait-avoit etc. Глагол “savoir” пишется “scavoir”. Любопытные обороты, стиль галантных придворных романов эпохи (le Prince de Perse n’avoit les yeux que pour elle). Наконец, сама печать: кавычек нет и в помине, но есть запятые, точки, восклицательные знаки (как никак после Альда Мануция). Долго не мог привыкнуть (правда, брался за книгу лишь два раза) к сходному написанию “s” и “f” малых (как теперь в готическом). Например, Шамсельниар пишут: Chemfelnihar. Интересная сказка, любопытная: восточная роскошь, красоты композиции, смешно читать, как “les Amans”, при первом объятии падают в обморок: чисто по арабски. В целом, выпуская длинноты и повторения, сюжет занимателен, действие живо и коллизия драматическая, молодой человек любит в жинку калифа, «de Commandant des Croyans» — это вам не фунт изюма! Возмущает фатализм арабов: всё веряют Аллаху, дураки, а нет, чтоб бороться за своё счастье. Серьёзно!

13 февр. Помаленьку выздоравливаю. В школу ещё не ходил. Больноват. Скучаю. Написанная на конкурс «повесть» заслужила одобрение учительницы: про девочек и мальчиков, про дружбу и любовь! 10-е классы. Уж это я знаю. Ах, мне в жизни с этим не везёт, так пусть везёт моим героям.

18 февр. Сегодня, наконец, вышел в школу. Встретил Женичку; по своему обыкновению в ответ на моё «здрате» слегка шевельнула устами, «усмехаючися». Весело в школе после двухнедельного отсутствия. У Нарика я отмёл нашу карточку за 6/XI—51г. Ох, тоска! Лучше не думать про Женьку. Милая ляшка, загубила ты меня.

21 февр. Четверг. Смехотворно! Один из наших ребят поймал как-то незаглушенный «Голос Америки». «Передаём правдивые известия из Кореи.» И пошли! Такие шутки отрывают: на таком-то фронте окружено и уничтожено полторы тысячи «китайских коммунистов», в Северной Корее «корейские партизаны» активизируют свои действия против «китайских коммунистов», сбито 10 самолётов. Из них 8 оказались советской конструкции. Да, врать они умеют.

29 февраля. Хандра. Давно не видел Женичку. Последние все разы она со мной очень хорошо здороваётся, громко, ясно. Я пропустил уже 2 вечера у нас (во время болезни и 1 после). Скучаю. Вспоминаю, как у Витьки после выпивончика Герка стал фотографировать нас за столом. Я был с правого фланга крайний, рядом слева — Женя. Герка кричит: «Ромка не влезаешь в кадр, тебя только половина видна!» Я поднимаю шум, тесню соседку влево. Женька порозовела, смеётся, захмелевшая и смущённая, один раз даже: «Ой!» — жаль снимки все пропали: идиот Гаррик повесил ленту сушиться над радиатором парового отопления, вся обгорела.

Герка разругался с Галей и Женей, сказал им: «На глупых не обижаются». Ну, дурень! Они не здороваются. Шкодник.

9 марта. Вчера вечер в 45-й школе. Я танцевал: 1 раз с Томкой Лукиной, все остальные танги с Мусей, фоксы с Алькой Глезером. После вечера мы пошли за той толпой 10 «б», к-рой нужно домой идти по ул.Ленина. У аптеки напротив трамкольца их 2росстани»;

мы с А. Г. двинули совершенно внезапно для себя направо, за Женькой и Леной Александрович. Ну, прошлись. Со dalej? Побачимо.

15 марта. Субб. Чёрное дело учинили в корее американцы: начали бактериологическую войну. Подробности гнусные: бомбы заражённые блохами, мушками и т.д. Такие же бомбы сброшены в Сев.-Вост. Китае. Медицинские силы поставлены на ноги. В Корее карантин. Делают прививки населению и бойцам. В Китае та же работа.

Это невероятно подло. Ведь продвигаться в заражённые края американцы не могут. Это просто истребление. Они сами боятся: Аресон уже 2 раза выступал с опровержением наших сообщений. Сволочи!

17 марта. Только что дочитал «Воззрения Жерома Куаньяра». В одной книге два философских романа.

«Харчевню королевы Гусиная лапка» я прочитал ещё вчера. Ещё раньше читал его же новеллы, весёлый Буффальмака, Синяя Борода и пр., «Современная история», «Восстание ангелов», «Боги жаждут». Когда читаю А. Ф., порой испытываю чувство, которое охватывало Горького при чтении флюберовского «Простого сердца». Хочется завизжать от восторга. Прекрасным и добрым мудрецом представляется Анатолий Франс, его языческая манера письма неподражаемо своеобразна. Бальзак глубже Анатолия Франса, он мыслитель и гладиатор, но Анатолий Франс, погружённый в мудрое созерцание из своего сада Эпикура, обаятелен, тонок и прекрасен, в его книгах — волшебный аромат благовонных курений — или деликатнейших женских духов. Заблуждения его ужасающи, он доходит в образе Жерома Куаньяра до «нежного презрения» к людям («Нужно уважать человека, не унижать его жалостью. . . Человек! это звучит гордо.»), местами пессимизм этого эпикурейца из библиотеки сезского епископа способен вызывать в нас отвращение, но книга полка противоречий, и мне кажется, мудрое созерцание, спокойное невмешательство в жизнь — это самообман и аббата Куаньяра, и Анатолия Франса. В глубине души они любят людей (иначе зачем жить? ведь они философы, они могут сделать последние выводы), они даже уважают людей, и когда эта их внутренняя любовь вырывается наружу, они прекрасны. Хорош конец «Воззрений». «Харчевня королевы Педок» — очень своеобразный, но совершенно реалистичный роман, картинка нравов и идей века Людовика Возлюбленного.

А язык! А слог! Как здорово! Ну, хотя бы вот: «Поднявшись по каменной лестнице в первый этаж, мы вошли в гостиную, где господин д*Астараж сидел за письменным столом, перед ярко пылавшим огнём камина, среди расставленных вдоль стен египетских гробов в форме человеческих тел, из-под покровов к-рых, расписанных священными изображениями, глядели золотые лики с продолговатыми блестящими глазами.»

А как пишет женщин! Нежно и насмешливо в одно и то же время, он их высмеивает и тут же прощает!

23 марта. Воскр. Первый день весенних каникул. Дует южный ветер, буйный и хмельной. Близок час решающего штурма: гос. экзаменов. Весна мешает. Весенние чувства.

Вспоминаю Виретту, думаю про Женю, даже про Эльку Гудаеву. Сны, чорт возьми! соответствующие снятся.

26 марта. Вчера вечером был с Гебой у Эльки. Пели песни, шкодничали, веселились. Хорошо!

Женю я после того вечера не видел.

В штате Мэриленд, близ г. Фредерика, в Кэмп Дэтрик работает сейчас свыше 4.000 бактериологов. Эта лаборатория существует с начала 2-й мировой войны.

28 марта. Пятница. Вчера шли мы с Гебой и Витькой по ул. Октябрьская, навстречу по др. стороне шли Галя и Женя.

Вчера и позавчера я танцевал с Эльвиреттой. В среду у Герки, вчера у Витьки. Шкодничали много. Я давно не видел её и соскучился. Танцевал, и к моей груди придавливались её две мягкие груди. Она не из стеснительных, я хочу сказать — не из стесняющихся. Вечером в среду она пришла к Гебе в красной кофточке, руки голые по локоть; на красивой её, довольно тонкой руке — лёгкий пушок и тёмная родинка. У Витьки она была в чёрном платье с кружевным воротничком, что мне напомнило 10 ноября. Я с ней больше танцевал, чем у Герки, но обстановка напоминала о другом: завели «Любушку» — и я вспомнил, как танцевал под неё с Женей; Эльвирка берёт альбом — вспоминаю, как смотрел его с Женькой.

Достал галькину курточку, правда, плохую.

30 марта. Вчера был вечер для старших классов в Опере. Народу было несметно. Оперный театр сделал полный сбор, все ярусы были унизаны головами и зрительными стёклами. Я сидел в десятом ряду партера, в очках своих и новом костюме, рядом с Гебой. Сзади сидела Таня Ш. и прочие девочки (некр-ые). Эльвиры не было, др-их было много. Витька с милой Мусей, Женичка, Галька, Томка Лукина, Нэлли Пугачевская, Муза (ничего прежнего не осталось, мещанский ангелочек а la Greuze), Римма Царегородцева (довольно привлекательная брюнетка, но грубый хриповатый голос), Фая-Алла-Нэля Якупова, Галя Нестерова, Ляля Еникеева, и др. и др.

Я посмотрел «Чио-Чио-Сан», причём «Батерфляй» была Ландау, почтенная и тяжело-весная матрона. Затем начались танцы. В зале было тесно и душно, было множество людей, много знакомых. Я станцевал с Галей Козьминых длинное танго: она девочка, недурна, как будто неплохо сложена, от неё хорошо пахнет, чего ж! С ней я не чувствую ни малейшего трепета или волнения, прямо сказать, с ней я скотина. Благоговений никаких, я крепко держу её, но-вежливо: хоть колени в непосредственной близости, но зато я оберегал её от толчков. Её волосы всё время проходили по моему лицу; грудь её крепче, чем у Эльвиретты. — Женька была прелестна, в жаре покраснелась, румяная, стройная, смеялась дьявольски: изумительно жизнерадостно, каким-то особым раскрытием рта. Саша Панкин работал за Женичкой. грубовато несколько, по своей привычке несколько слащаво и топорно, наконец-то он решился! Нет, у него совершенно никакого такта и вкуса к девочкам, в качестве блонда он холодноват. Я перекинулся с Женей несколькими словами и создал

впечатление у неё, что покровительствую Саше в работе за ней. Когда Галя и Женя пошли домой (Галька у Женки опять ночевала), с ними отправились Оскар и Сашка. Мы с Геркой пошли сзади, остановили Сашку и говорим: так и так, будешь против, если мы пойдём с вами? Он: то да сё, мне всё равно.- Всё равно, — значит, не хочешь. Иди, догоняй.

Там, на танцах я заметил дьявольски прекрасную девушку лет двадцати с малым: стройная; прелестное лицо со вздёрнутым слегка носом, большие глаза, русые волосы; жёлтая блузочка, чёрная юбка; красивые ноги. Девушка эта казалась печальной; она очень грациозна и балованна; но мне нравятся балованные девушки. Она состоит в каком-то из многих наших институтов. Кто она? Она третья в моей жизни вызывает такой интерес.

1 апр. Казнили Никоса Белоянниса с товарищами. Расстреляли ночью, украдкой, при свете прожекторов, король отклонил просьбу о помиловании. Какие сволочи! Белояннис был национальный герой, революционер, его мученическая кончина ставит его наравне с Эрнстом Тельманом, Жюльеном Ляо, Арсо Ивановичем. В Греции сейчас царит белый террор, господство американцев, кровь, кровь; революция временно задавлена, но эти годы напоминают столыпинскую реакцию за к-рой последовал у нас новый подъём и революция.

Новое снижение цен. Это для того, чтобы «ударить по мозгам» всем гостям, съезжающим на МЭС (Муждунар. Эконом. Сопещание) в Москве. Ничего! Государство ничего не потеряет: Население выигрывает 23 миллиарда? Если грянет час последнего боя, мы отдадим государству 123 миллиарда! Ничего не пожалеем: кому жалеть? На нашу же пользу.

10 апреля. Получил позавчера письмо (ответное) от Дюэки Трофимука из Москвы. Послезавтра, в субботу, литер. вечер, я буду читать 2 главы из своего гениального произведения «Ребята из десятого «Г» класса». Это будет первая повесть из эпопеи «Счастливые» — о наших людях, о мне, о товарищах, о девчонках, о всех. Всё, что увижу, соберу в книгу.

Раньше, чем через 15 лет не брошу. Есть ещё в запасе роман из Французск. революции. Будет и его время. Писать я буду: я дорого заплатил за это право.

12 апр. Прочёл с успехом 2 главы. Идиотаж получился: дешёвые эффекты развеселили публику (111 и 43 школа, etc.). Впрочем, ладно. Очень шибко хорошо меня премировали, даже не ожидал. Дали первую награду, 3 книги, в числе их Анатолий Франс, «Остров пингвинов». Я танцевал с Галей Козьминых, разок с Томкой Лукиной.

15 апр. Вт. Зверски скучаю по девочкам: весна ведь. Правда, весна своеобразная: сейчас ещё лежит. . .

КУДА: БАССР г.Уфа

улица Земцова 14 корп 2 кв 3

КОМУ: Назирову Р. Г.

Адрес отправителя: Москва 59

Бережки 5 кв 99 Трофимук А.

Здравствуй, Ромэн!

Получил твоё письмо 2 марта и очень обрадовался.

Буду прямо и неукоснительно отвечать на твои вопросы. На медаль пока ещё тяну, что будет не знаю. «Медалистов» в твоём понятии у нас много: только в нашем классе человек пять, а классов два. Что касается культуры, то это ты зря на нас клеветашь. Если и есть класс на свете, где тебе могут оторвать голову или на перемене залепить физиономию снегом, то это наш 10 «б». Вся перемена проходит в бегах, драках и кидании снегом (окно открыто и каждый день выпадает снег). Все эти «невинные» шалости покрываются воинственными криками, а в последнее время в моду вошёл крик Тарзана.

Насчёт танцев: я сам не танцую, но в классе почти все ребята танцуют и многие даже «гоняют стиль». Ты, наверное, даже не знаешь что это такое.. Для иллюстрации могу только сказать, что похоже на «танец» из «Петера», только ещё похуже. Боксом я не занимаюсь; а втянули меня в баскетбол и волейбол. Уже начинаю разыгрываться. В классе у нас есть 3 «мастера» которые играют на первенстве Москвы.

А лет-то мне вдарило 17 во марте месяце.

В Москве дела идут ничего себе, только напало на неё 3 эпидемии: вирусный грипп (все повально болеют, кашляют и чихают), капрон с чёрной пяткой (девки с ума сходят) и кинокартина «Тарзан» (и девки и недевки сходят с ума; мужики помалкивают, но тоже ходят).

Про «Тарзана» говорит вся Москва и даже в нашем классе есть свой Тарзан и своя Чита, а лаборантку по физике называем Джэн.

Народ у нас в классе ничего, теперь уже привык: буйные ребята. Я у них вроде тормоза: уговариваю, когда уже распустятся очень.

Ещё в том году, например, чуть не взорвали учителя: под столом бомбу положили, а в этом году отличились тем, что сломали 6 стульев и 1 стол.

Единственное наше желание — попасть в физкультурный зал: мы там играем в волейбол и баскетбол. Если бы дали волю, то не выходили бы оттуда по целым дням; но, к счастью, выгоняют, а то недавно мы играли 7 часов, так одного почти за ноги выносили. Вообще же живём весело: все «шалости» сходят, ибо мы — первые выпускники. Правда в последнее время ввели жёсткие меры: в школу пускают в промежуток между 2.00 и 2.17, классы запирают и заставляют делать зарядку. Тем кто опаздывает на физкультурную зарядку, делают идейную.

В этом году выпало небывалое количество снега: не успевают убирать, хотя снегоочистка очень серьёзно механизирована.

Да, чуть не забыл! В нашей школе оборудовали мы радиоузел. Теперь в отместку за это (мы здорово трепали администрацию и родкомитет — деньги были нужны) заставляют нас делать нудную зарядку и передают школьные новости, как то: вчера опоздали.. вчера плохо дежурил класс.. и т.д. Лето я провёл хорошо, даже попал в Крым. На это лето, если получу что-нибудь, поеду в Уфу.

Ты, что же на английский перешёл??

Ну, пока. Будь здоров.

Подпись: АТрофимук (гожусь в бюрократы??).

P.S. Напиши об учителях, интересно сравнить. Одну карточку передай, пожалуйста. Эрику Левину, и пусть он мне пишет.

Virette Berelavska

... снег, небо покрыто тучами трупного цвета. Но я всё больше думаю о них: Эльвира, Эля, Женя, Галя, Муся.

Номо sum: humani nihil a me alienum puto. Люблю девчат. На память приходит новый год у Витьки. Герка вздумал снять нас с бокалами в руках. Я с самого краю, а слева — Женя. Герка кричит: «Ромка, от тебя только половина входит в кадр.» — И я усердно втискиваюсь в кадр. Ах, Женька! Девочка на о-кэй!

16 апреля. Солнце сияет. Наконец-то ленивица взялась за дело. Вчера я прошёлся несколько шагов с Женичкой. Ах, Женичка, stonko moje! Женя. Женька.

18 апр. Пятница. Погода переменялась: идёт дождь. Первый весенний дождь, он прикончит остатки снега. Со дня на день вскроется Белая.

Неласкова моя восемнадцатая весна. Не слышно птиц, не видно зелени, ни цветов. Грязь и вода, а вверху небо, серое, как залёженная перина. Также хмуровата и моя личная весна. Грёзы, думы — за школьной партией думаю о девочках. Наяву вижу белые ноги в зелёной траве, колени, выглядывающие из-под юбки, чувствую мягкие руки и прохладные волосы.

А что на деле? Лишь приветствие при встрече на улице и настороженно-любопытный взгляд искоса голубых знакомых глаз. Чорт возьми! Сколько невысказанной ласки впусте теснится в бедной груди! Но не буду я изменяться по мелочи: Цезарь или ничто, либо я женюсь по любви, возьму девчонку, как Эльвира или Женя, либо останусь суров и чист, а никаких других удовольствий я не хочу. «Счастья никогда не бывает вне законов».

20 апр. Воскресенье. Опять идёт снег. Уфа в грязной снежной каше. Весна по-уфимски.

Поразительно резко меняется погода. Ещё утром было ясное небо и светило солнце, сейчас уж темно и мрачно.

В первом часу дня на Ленина я видел ту красавицу-студентку, которую заметил ещё на вечерне 29 марта в Опере. Очень стройная; походка королевы. Я обогнал её и пошёл в трёх шагах справа — спереди, поглядывая вбок-назад; но в какой-то момент она ускочила в магазин, и я её потерял.

23 апр. Среда. Был у Эльвиры. Добыл маленькое фото её, старое, правда, но она на нём очень хороша.

Красивая она всё же девушка.

26 апреля. Сегодня на ул. Ленина я видел ту красивую девушку — рослая, стройная, в красной шапочке, без пальто. У неё длинные ноги, но мне такие нравятся; юбка её была короткая, я любовался её упругими круглыми ногами в чулках телесного цвета. Она очень хороша.

Был прекрасный день. Впервые я пошёл в школу без пальто. Я встретил Ромэна Юсупова, мы с ним долго гуляли. Он влюбился в девочку из 45-й школы, и я вижу очень

наглядно, как он переживает все те стадии, которые я прошёл в зиму девятого класса. Эх, Эльвира, моя первая любовь! У меня навсегда останется от неё лучшее воспоминание.

29-го вечер в нашей школе. 30-го в 45-й shk. За последнее время я перечитывал Гоголя, прочёл «Остров пингвинов», раскопал один старый сборник былин, прочёл «Страдания молодого Вертера» (замечательная книга, я почувствовал дух эпохи), перечитал «Фауста», прочёл у Нарика мимоходом «На всякого мудреца довольно простоты», сейчас читаю новую «Молодую гвардию». Молодчина Фадеев! Не считая Шолохова, лучший наш писатель. Есть страницы совершенной красоты! Тянет перечитать «Пармскую обитель». Что-то во мне зреет (так сказать, творческая беременность по И. Эренбургу). Никто не показал ещё сколько-нибудь удовлетворительно нашего человека в любви. Нет типов, скажите? Так дайте романтический идеал! Ведь мы романтики, социалистические реалисты.

Тов. Илья Эренбург, ей-богу, я беременный!

27 апр. Воскр. Славный день. Солнце, ветер, тучи. Утром я пошёл смотреть эстафету на приз «Ленинца». Наша школа потеряла прошлогодний кубок. Бегали Галя и Эльвира. Потом пошёл я к Герке. Он взял «Зоркий», и мы пошли по девчат. Эльвира и Эля дома не случились. Пошли к Жене.

Она вышла в простеньком домашнем синем платье, в тапочках на босу ногу, сильно конфузилась своего вида. У неё идёт большая предмайск. Уборка. Мы велели ей переодеться и вытащили из дома. Пошли в сквер Маяковского и начали фотографироваться: Я с Женькой, я отдельно, Женька отдельно. Потом я разок чикнул Герку с Женькой.

Вернувшись к дому Женьки, мы долго разговаривали с ней. Она всё требовала и просила у меня повесть.

Идучи с Геркой ещё к Женьке, я встретил Ромэна Юсупова с его девочкой, пожал ему руку и бросил на неё острый взгляд. Хорошенькая.

Опять видел красивую девушку: сегодня она была в сером костюме.

30 апреля. Хороший день. Завтра 1-е мая.

Ну, и дела!

Сам от себя не ждал этакой прыти.

В понедельник, позавчера, я перед уроками посетил парикмахерскую. Ну, как всегда — полубокс, прямые височки. Сдуру даже позволил себя опрыскать тройным одеколоном. Пошёл в школу, положил в парту книги и вышел на Октябрьскую улицу навстречу Женьке. Встретил, пошёл в обратном направлении с ней. Прямо говорю ей: «вышел тебя встречать.» Не часто попадается ей такое прямодушие. И я предложил ей прийти 2-го мая с Галей ко мне: читать мою повестикку. Она готова была согласиться.

В тот же день после уроков я пошёл к Геруле. У него хаотический кавардак — уборка. Не сегодня — завтра приезжает (если ещё не приехал) его старший брат, который служит в Тихоокеанском флоте по радиолокации.

Вчера был вечер в нашей школе. Я сидел бок-о-бок с Элей Гудаевой. Касаясь по временам её упругого бедра. Когда начались танцы, я танцевал с Галей, разок с Женей, с Элей,

Мусей, Эрой, Ферой, Лялей Еникеевой. Жаль, не было Эльвиретты. Во время танцев я спросил решение у Гали и Жени. Мнутся. Это влияние Гали: хочет набить цену. Не уступлю. Вчера Женька была прелесть: румяная, обольстительно светлая и весёлая, косы не заплетённые, а закрученные в спиральные трубочки: одна спереди, другая — сзади. Мы с ней шутили и чувствовали себя славно. Сашка Танкин был мрачен.

Старая сволота, мой заклятый враг Данька Ерёмин нарвался-таки на меня: я чуть не дал ему в ухо посреди зала, вышел в коридор с ним и поговорил. Как я и предполагал, он оказался таким же «за...ем», как прежде (выражение одного из наших ребят Николая Цыбаева, которого я совсем недавно рекомендовал в комсомол).

Когда я вернулся, играли танго «О любви не говори». Я танцевал, и когда рядом танцевала Женья, она пропела мне вместе с Клавдией Шульженко (эта певица, кажется, записана на той пластинке), многозначительно и весело улыбаясь: «О любви не говори, умей владеть собой.»

1 мая. Раннее утро. Солнце проникает в комнату. Мать и сестра ещё спят. Сейчас уйду на демонстрацию. Ворочусь — всё запишу о вчерашнем вечере. Хорошо!

Вернулся с демонстрации. Прошло 6 часов. Город залит праздничной толпой. Краса!

Вчера на вечере в 45-й СЖШ я танцевал с Женей, и не раз. Она передала мне их решение, несомненно изобретённое Галей: Прийдут к нам, если я соглашусь на ещё одну Галю и Лялю.

Я ей ответил, что хотел бы вчетверо меньше гостей. Я и гальку терплю только ради Жени, а тут ещё... Видите ли, «неудобно». А Женья была прелесть. Приветливые глаза, алый румянец, пышные волосы, белая нежная шейка, а фигура у неё просто изумительная! Всего в меру, но (да простит мне Аллах дерзновенную мысль) особенно бросается в глаза девственность этого тела, так красиво обрисованного белым платьем. У неё гибкие нежные руки, кисти маленькие. Она носит туфли 35-го размера.

Словом, я всё ей открыл, не сказав ни одного слова признания. Она торжествовала. Титов и Дьячук задались целью отнять её на все танцы, но я всё же ловчился и танцевал с ней. Соприкасаясь с её ногами под белым платьем, я становился крепким, как железо. В то же время меня обуяла странная и пронзительная тоска, я хотел, чтобы кто-нибудь задел, оскорбил меня. Ух, с какой злобой дрался бы я! Каждый мой взгляд стоил целой речи. Мрачный и разгорячённый, я молча танцевал, изредка взглядывая на неё. Ребята из др. десятых классов нашей школы начали относиться ко мне нес-ко настороженно. Плевать я на них хотел! Дьячук — хороший парень, а прочие...

Провожал Женю я. Я дошёл с ней до её дома: её уже пошатывало, так ей хотелось спать. Мешала Лена Александрович и её старшая сестра. Ах, Женья! Я сказал невнятно насчёт того, что очень жаль, что они с Галей, etc.

По дороге попадалось очень много пьяных, и я всё время становился между ними и теми тремя. С боку от них шёл Юрка Веницкий, я взял его за компанию. После этого тоска смягчилась, но осталась грусть.

Сегодня Нарька чикнул Женю, у меня прибудет фотокарточек.

Нужно известить Гебу, что сходка 2 мая, вероятно, не состоится.

3 мая. И не состоялась.

Вчера я был у Эльвиры, мы с ней держимся, как старые друзья. Зловредные девчонки Галька Нестерова и Галька Еникеева такие шпильки подпускали, что я в конце концов пригрозил им страшной мезью. От Эльвиры я пошёл по городу. Повстречал подвыпившего Фиму с Люсей, потом не вполне протрезвившегося Геру, встречал и Лёвку Митюгова, и Витьку, и многих наших ребят. Под конец встретил Женю и Галю, у них билеты в кино. Постоял с ними немного, поговорил, грустно и нежно. Помешали Эльвирка и её девчонки. Я попрощался, они пошли в др. сторону. Пусть только попробуют что-нибудь наболтать про меня. Я с ними расправлюсь.

Да, ещё: я принял решение объединить все свои личные фото в один конвертик.

5 мая. Плохая погода, дождь. На столе тонко пахнет букет подснежников в вазе, недопитой чашке чаю благоухают ломтики лимона. Топится печь. Мне смутно и нехорошо на душе, словно я где-то что-то сфальшивил, а в чём — не пойму.

С субботу (3-го) я читал повестишку девчонкам у Лены Александрович. На Женю произвело нек-рое впечатление. После этого прогулялись с песнями по улицам. Проводив последнюю девочку (Лену Александрович), мы, возвращаясь мимо дома Жени, пропели под окнами её: «Очей прелестных огонь я обожаю etc.» Вчера, с Гебой, Витей и Гарькой Иващенко я впервые побывал у Жени дома. Она встретила нас в своём домашнем платье, по локоть оголёнными руками, босоногая. Хорошие ноги у неё, хорошее тело; хочется одеть его в самые драгоценные ткани и меха, в бархат, шёлк, соболя и чернобурых лисиц. Чтобы золото и бесценные камешки украшали её руки, и ноги, и шею; и чтобы редчайшие цветы благоухали в её волосах.

Словом, неохота больше писать. Гарька Иващенко шутит глупо. Я ему, вероятно, набью морду.

Люблю Женю.

7 мая. Целая куча фотокарточек последнего улова. Много жениных. Милая девочка. Положу конверт с карточками на этой странице. — Флобер писал, что есть только одно существительное для обозначения предмета, одно прилагательное для его определения, один глагол для выражения его деятельности. Это надо запомнить. Никто не писал так чисто и красиво, как Флобер или Анатоль Франс, но в своей творческой силе они далеко уступают Льву Толстому и Михаилу Шолохову.

9 мая. Ну и ну! Выпал снег. Крыши белы, земля скрылась под ковром снега. Дохнуло зимним хладом. Ну, и дела!

На место Эйзенхауэра назначен Риджуэй.

15 мая. Учебный год кончился. Во вторник — первый экзамен. Начинается страда. По химии — годовая тройка. После нескольких дней снега, мороси, грязи, слякоти вдруг

грянула гроза и затем засияло солнце. Сегодня температура достигла 20(градусов); знойно по-летнему, хотя деревья ещё не зазеленели. Лето наступило почти без перехода.

Лето — знойное, тяготящее.

Вчера у Муси был день рождения. Из ребят пригласили Витьку, Гебу, Гаррику, Нарьку Ахмерова, Эдьку Батыева, и — Игоря Кузнецова. Девчонки хотели помирить его с Женей, она этого радостно ожидала, но когда пиршество окончилось, он вдруг поспешил уйти, чем глубоко оскорбил Женю: впрочем, она не подала вида.

Я почувствовал себя обиженным, узнав, что у Муси были и «Гарриман», и Нарик, и Эдик, а меня пригласить не догадалась. Как это ни смешно, я обиделся. Но важнее другое.

Я был позавчера у Женьки и сказал ей: «Тебя ещё никто не приглашал на наш выпускной вечер?» Она говорит — нет. Усмехается догадливо, из ответов её я (вероятно, слишком опрометчиво) заключаю, что она предпочла бы какое-нибудь другое предложение, т.е. Приглашение от кого — н. другого. Мнительен есмь, и, вспыхнув, сразу выкладываю: «Пождёшь, когда кто-нибудь почище найдётся?»

Сегодня, мне кажется, она не ответила на моё «здрате». Благо, девчат было много, в общем «хоре» не слышно. Во мне снова заговорила мнительная мучительница — гордость, столь свойственная моему характеру.

16 мая. Сейчас ушла от нас пожилая женщина в белом халате с добрыми глазами. Её посещение навело меня на мысль об одной особенности нашего времени. Американцы измышляют новые способы истребления людей, посевов, скота. Мы боремся против этого.

Вот уже третий год на обложке школьных дневников печатают сзади изображение колорадского жука, его яйцекладки, личинки и куколки на фоне изъеденной картофельной ботвы и надпись: «Школьники и пионеры! Выявляйте колорадского жука!» Ниже мелким шрифтом: «Колорадский жук — опасный вредитель посевов картофеля.» Дальше крупно: «Жук — жёлтого цвета с десятью чёрными полосками на надкрыльях; яички оранжевого цвета; личинки яркокрасного и куколки светлооранжевого цвета.» И т.д. Очень жизненное мероприятие: Зап. Европа, включая Дойче Демократише Републик, изъедена жуком, прожорливым, плодовитым и хорошо летающим американцем.

Наши учёные открыли вещество, смертельное для мышей, крыс и грызунов — переносчиков заразы, но безвредное для людей. Борьба с невидимым врагом входит в быт нашей страны. В школе, на уроках, трижды приходил врач и давал нам таблетку против дезинтерии, три таблетки.

Водопровод фильтрует и хлорирует воду, санитары являются на дом и посыпают хлорной известью отхожие места, самолёты противомалиарийной станции несколько раз в лето опыляют водоёмы (для борьбы с комарами). Сегодня эта женщина проверяла наши глаза. Партия и правительство постановили уничтожить трахому, как раньше уничтожили натуральную оспу. Проверить поголовно всё население, учесть всех больных и взять на лечение,

изолировав от окружающих. Для выполнения этой задачи каждый медработник (даже зубные врачи) получил нагрузку на известное число дворов.

Ну, что такое 4.500 «человек», работающих в Кемп-Детрике? Чтобы парализовать их усилия, мы выставим в 250 раз большую армию, это по самым умеренным расчётам, я разумею, армию врачей.

17 мая. Суббота. Ночь.

Я решил. Я буду писать. Всё о том же.

«Всё это старая сказка,

Но вечно она нова.»

Будут передавать на бумаге то, что навевает музыка красивых вальсов, аромат майских ночей, сияние солнца и попоты цветов. Словом, о любви. Первые поцелуи, клятвы, свидания, робость, стыд, нежность, страсть и восторг, слёзы, разлука, письма, ревность, обиды, примирения; и как много людям даёт любовь! В общем, я тех же взглядов, что Горький, но скажу новое слово.

Мне кажется, мы что-нибудь будем!

Только не падать духом в беде.

Свою повестикку я всё перерабатываю.

20 мая. Отмахнулся. Один есть. Написал сочинение. Вчера была «чёрная буря» (башкирский самум). Первый раз в жизни. Страшная штука: глубоко серого цвета неба, вокруг солнца получился бледный круг от рассеивания лучей в летящей пыли и песке. Резкий и сильный ветер дышал зноем, всё засыпал мелким чёрным прахом; грохотало и плясало листовое железо на крышах. Сначала я думал, что собираются грозовые тучи, и дивился ветру, но то были тучи пыли. Сегодня тихая знойная погода, небо синее. Keine lift von keiner seite! Ни дыханья ниоткуда! Чирикают птицы, деревца стоят в насквозь просвечивающем зелёном пуху. Город лишён воды: водопроводчики прочищают фильтры. Работают только уличные водоразборные колонки.

21 мая. Прекрасная погода. Солнце. Но переменчиво: то находят тучки, умолкают птицы, падает неск-ко капель, то вновь всё проясняется, зной, печёт голову, аж становятся горячими мои тёмные волосы; то веет лёгкий, как поцелуй, ветерок. Май переходит в «расплавленное» лето, и весенняя романтическая влюблённость сменяется знойной летней страстью. Люди ищут любви, глаза оглядываются, и губы ждут; Мелькают неприятной, режущей глаз обнажённые руки и ноги девушек. Но, хотя тело порою испытывает физическое страдание от подавляемого желания, люди ждут, и ищут, и крепятся, ибо они — люди. Зато как хорошо любить в эту пору! Сегодня раскрылись вчера ещё свёрнутые листочки деревьев, позавчера вылезшие из почек — всё зазеленело, зашумело, закудрявилось. Эх, сейчас бы в саду, на первой травке, в прозрачной майской тени деревьев, подстелив что-нибудь мягкое, обниматься и целоваться с какой-нибудь тугогрудой дивчиной, у которой косы в траве волочатся! — Э, нет! Шалишь, браток, потерпи, молод, зелен, тебе ещё только восемнадцать лет. Жениться прежде, чем кончишь вуз, — глупо, а без законного брака кто ж тебе даст? Мне не нужно

любви за двадцать пять рублей, да и грязное это дело, не для молодых. Молодым нужно уметь любить, а у нас год от года разучиваются. Да и как не разучиться?

Классика далековата нынешнему читателю, а своего наши писатели не пишут. Вот, погодите, уж я сдам все экзамены благополучно, так примусь.

В тот же день **21 мая** вечером. 11 часов.

Вдребезги разбились прекрасные волшебные мечтания! Я слетел с небес и упал на землю, причём пребольно ушибся. Путник, пролей слезу. Под этим камнем лежит романтик, убитый пошлостью общих мнений! — (Ну и фраза, чорт возьми, ну и самолюбование же!)

Попросту говоря, случилось то, чего я побаивался, и в глубине души предвидел. Элька Гудаева сказала Герке, выражая мнение девчат: «Конечно, Женька не согласится на ромкино предложение. Её даже удивила эта смелость.» От себя она добавила, явно выражая мнение девчат, что ей это даже смешно. Мне показали на место. Сейчас я знаю Женьку. Я не был ей безынтересен. Она действует под страхом осмеяния Гали, Эли и прочих. Да и в самом деле, что такое я в презане? Неимпозантная фигура, что и говорить. Худой узкоплечий малый в очках, довольно забавный. Хохмач, который посмел дать понять, что любит. О-кей, решено, я спрячу сердце в сундук; посмеяться над врагами у меня не хватит сил и подлости, но я стану холодным и сильным. Я попытался открыть слепым «золотые россыпи» своей души, но слепые слепы. Глупо было бы гневаться, но нужно их проучить — для их же пользы. Я это припомню: Галю и Элю я накажу. Женю вознагражу великодушным безразличием. Мы чем-то будем.

24 мая. Субб. Сдал на 5 устную литературу.

26 мая. Всё то же. Девчонки забываются очень трудно. Вчера мы с Герой немного проводили Эльвиру. Я немного потешился над нею; мои шутки были подогреты стаканом вермута и 100 граммами «водяры». Гали и Жени не было, ну и чорт с ними.

29 мая. Сдал во вторник письменную математику.

Мир всё ещё захвачен грандиозной дипломатической битвой, развернувшейся вокруг вопроса о судьбе Германии. Животрепещущий интерес возбуждает кровавая история на острове Кочжедо; это мирное географическое название стало синонимом Бухенвальда, Дахау, Освенцима, Майданека. Разоблачения, сделанные в связи с бунтом военнопленных, потрясли весь мир.

Во Франции началось наступление реакции. Только недавно пришло сообщение об аресте Андрэ Стиля. Лауреата Сталинской премии, автора романа «Первый удар». Сегодня сообщили, что ночью взят Жак Дюкло. Связь этих арестов с назначением Риджуэя в европейскую сатрапию несомненна. Мы, жители великой страны, заканчивая одно из величайших в мире мирных строителей, смотрим вокруг большими и внимательными глазами. Ошибки 1941г. не повторятся, мы готовы в любой момент раздавить врага.

2 июня. Интересное замечание вычитал я из Мюссе: Квинтилиан сказал, что фраза, перегруженная прилагательными, подобна армии, в к-рой за каждым воином следует слуга.

А пронос, я вспомнил, как Чехов посоветовал молодому писателю расписывавшему жалкий облик просительницы: «Достаточно сказать, что дама была в рыжей тальме.»

Вот так надо писать! Алексей Толстой учил молодых, что основа письма — глагол, подразумевающий действие, состояние, жест. Проза должна быть сжата, лаконична — знает каждый соплик. Но у великого реалиста-романтика Максима Горького мы нередко читаем многословные описания, обилие эпитетов, красочность. Ещё более свойственно это моему любимому Бальзаку. Значит ли это, что должно следовать их стилю и языку? Нет. Стендаль, Флобер, Франс, Толстой, Чехов — вот учителя в смысле формы (конечно, и в кое-чём ином).

Я наметил сделать из своей забавы, повесть в 29 глав, два плана: дружба (школа), и любовь (Нина). Усиливаю политический момент: ведь действие идёт в то время, как в Корее льётся кровь.

7 июня. Волго-Дон вступил в строй. Вот и ещё шаг к коммунизму.

9 июня. Тридцать третий год призывают в армию.

Три дня шли жестокие ливни, сейчас наступило лето; синее небо в облаках, поют петухи, гавкают собаки, кудахчут куры, где-то играет радио, почирикают птицы. Зелень стала густой и пышной, на некоторых деревьях приобрела уже тёмный оттенок. Где-то погромыхивает молоток плотника; в отдалении проедет грузовик, и снова сельская симфония: петухи, собаки, детские голоса, птахи, приглушённое радио. Но сегодня холодно. Редко набегаёт ветерок, и деревья зябко встряхивают ветвями. Я готовлюсь к экзамену по истории.

В субботу я говорил с Элей Гудаевой. Всё узнал. Женя сказала ей, смеясь, что Ромка её «приглашал», а она — «конечно, отказала.» Нет к ней пути. Трагедия. Ладно. Припомним.

14 июня. Суббота. Сдал историю на пять (позавчера). Давно не видел Женю. Сегодня выйду в город, есть дела, есть забавы.

17 июня. Вчера, после экзамена по физике, встретил Женю. Она невероятно прелестна, её тонкий голос очаровывает ребят, но у неё немного плохо со стороны головы. Нет, она умненькая девочка, но elle a mauvais gout. Это крупный недостаток. Однако, как я отвратителен: прежде, в моменты счастливые, я не искал в ней недостатков.

А в Америке бастуют металлурги. Шестьсот пятьдесят тысяч. С жёнами и детьми верных два миллиона.

20 июня. Итак, я кончил школу. Вчера сдал последний экзамен (deutsch). Великий момент прошёл незаметно. Поздравления друзей. Один младший товарищ (9-классник) после моего ликующ. сообщения спросил: «Ром, ты мне золотничков для велосипеда достать не можешь?»

Сегодня сдавала химию Женя. У неё ангина, горло перевязано, темп. 39(градусов); я встретил её, когда она шла на экзамен; в руке её был наш толстенный учебник химии, в него были вложены конспекты. Я усмехнулся, она разозлилась и не поздоровалась.

Появляется апатия.

До боли мила и желанна, но слишком уж я жалок и смешон. Видно, без хороших плеч и толстых бицепсов и в самом деле не проживёшь. Попытаюсь завести то и другое и тогда плюну на девчат.

23 июня. Вчера я разговаривал с одним нашим парнем, который в 1947 году побывал в Вене и Будапеште. Рассказывал много интересного. Как американцы ведут себя в Вене. Там проход по всем четырём зонам свободный (был тогда), он много видел. Американцы проходят в своей ловко пригнанной спортивного типа форме, шотландские гвардейцы — двухметровые гиганты в своей национальной форме, юбочка, не закрывающая колен. На широченной груди болтается «как игрушка», автомат. Американцы бесчинствуют. В крупнейшем отеле Вены сидят офицеры в окнах каких-то этажей, в трусах и порой без рубашки, едят, пьют, орут, свесив над улицей голые ноги и кидая вниз огрызки, корки. Американцы затевают драки, пьянствуют. Но всё утихает, когда в Вену приходят матросы Дунайской флотилии. Это наши в конце войны перекинули на автомобилях катера в Дунай, позже корабли прошли в устье Дуная; Дунайская флотилия много сделала, очень много в штурмах 1945 г.; вообще — наша морская пехота — сила. Итак, продолжаю. Матросы Дунайской флотилии идут в Вену, сильный, красивые, на бедре у них прикреплен и бьёт по ногам огромный маузер. При виде их всё американское, английское, французское разбегается; входя в бар, моряк делает жест рукой: убирайтесь! Все убираются. Если пьяный заартачится, рывок, удар — и упрямец летит через два столика. Полиция? Матросы не признают австрийской полиции, с ней та же расправа. Тут является наш патруль и забирает ребят на гауптвахту. Идёт матрос по городу, все расступаются перед ним. Вена сильно разрушена. Развалины в каждом квартале: американцы бомбили бесприцельно, с большой высоты. Бомбили странно: надо было разрушить большой важный мост через Дунай. Было нечётное число налётов; вокруг моста всё в руинах, но сам мост и пространство в радиусе — 100 метров нетронуты, даже асфальт целёхонек. А в день, когда наши были уже почти в Вене, американцы бомбили наши позиции, якобы по незнанию. В ответ наши ударили из всех родов оружия, двух американцев сбили.

Выстрелы с чердаков, нападения фашистов на наших часовых, прочёсы, которые наши делали в первые дни, и которые дали улов в несколько тысяч гитлеровцев (их тут же ставили к стенке), драки наших ребятишек (тогда ещё разрешали жить там семьям офицеров) с австрияками-мальчишками и прочее.

Как-то со стороны, по газетам не представляешь себе этой жизни: минёры с миноискателями в развалинах, для восстановления из руин одного дома берут кирпич из руин другого, находят забытый в развалинах сейф, разрезают автогенном: документы, ценности. Товарищ мой в брошенной библиотеке дома, где он жил, нашёл несколько «Mein Kampf» в разных переплётках и «целую библию» порнографических фотографий, которые собирал или фабриковал сам бывший хозяин дома.

26 июня. Мой уфимский дневник подходит к концу. Сегодня в шестом часу утра кончился наш выпускной вечер. Хорошо было, ей-богу! Жени не было, и я немного увлёкся одной девочкой из 3-й школы, Инной Феоктистовой. Много танцевал с ней.

Я взрослою очень быстро. Чувствую сам. Сегодня днём я забрал документы, личное дело, аттестат зрелости (две тройки, четыре четвёрки и восемь пятёрок). Впереди горестная разлука с родным милым городом, с любовями, надеждами, привязанностями; в Ленинграде жестокий конкурсный экзамен.

27 июня. Кончился вечер в 3-й школе. Я проводил Инну Феоктистову, взял её адрес: ул. Цурюпа, 37, кв. 4. Эта девочка около моего роста, физически развитая, с хорошей грудью, крепкими ногами, в меру полными бёдрами, очень приятным симпатичным лицом (чисто русский тип, слегка вздёрнутый нос, выпуклые скулы, красивый полный рот). У неё русые волосы, крупные живые глаза неясного изумрудного цвета, выразительные брови, женственная улыбка, осанка, повадка. Ко мне она отнеслась с интересом (любопытство?). Хорошо было. Хорошо.

Сходил на Белую, искупался. Уж много дней стоят страшные жары.

Я открыл целую новую область в жизни города: ранний утренний час. Очень хорошо и красиво светает над городом, и радостно-печально наблюдать волшебные, почти нереальные краски утренней зари после бессонной ночи с весельем, девочками, песнями, танцами.

Впечатление от этих трёх вечеров я суммирую в главе «Выпускной вечер» моей повести. Третий вечер — сегодня в сорок пятой. Увижу Женю, Галю, Эльвиру, последнюю я не видел уже очень давно.

Бедняжка, она надеялась на медаль.

Утро 28 июня. Я пришёл с вечера в 45-й школе.

Это было очень тяжело. Так тяжело, что нельзя передать на бумаге, ибо получится неискренне.

Женя была прекрасна. В своём белом платье и красных туфельках с косами, закрученными в трубочки, она меня с ума сводила. Это было замечательное испытание воли: она явно ожидала от меня действий в моём энергичном стиле, но я не подходил, не приглашал и сам не заговаривал. Два раза она заговаривала со мной завлекательно, называла по имени, но я сделал, как хотел, и горд этим. Никаких уступок красоте, никаких компромиссов с совестью. Женя после вечера почти час гуляла с Оскаром Ильясовым, разозлённая и разочарованная. Ни я, ни Игорь к ней (не) подходили. Это главное: горько, да честно!

29 июня. Билеты на 4 июля заказаны. Вчера (в субботу) я вышел вечером в город с Оскаром Ильясовым. Встретили Женю; я шёл с другой стороны, нежели она; прогуливались с ней довольно долго. Опять я выдерживал своё решение: не подходить первому, не заговаривать первому, не предпринимать никаких шагов на сближение. Aut Caesar, aut nihil. Я ей не пара, так? Ну, так нечего закидывать мелкие приманки, незачем пытаться удерживать в поклонниках. Всё или ничего. Приглашение на вечер её рассмешило, а я не хочу быть смешным. Я тоже имею какое-то самолюбие. Женя не понимает, хочет втянуть меня

в разговор, я любезно отвечал и пошучивал как посторонний, а в своё время её присутствие пьянило меня, и одушевляло на самую пылкую и остроумную беседу. Это явно досаждало ей.

Женя очень мила и прелестна. Это совершеннейший образец девической красоты; она стройна, у неё только слегка выпуклые бёдра, маленькие груди, нежные маленькие руки с тонкими пальцами, длинные сильные ноги. В её облике есть что-то мальчишеское и вместе с тем неуловимо женское; Она забавно хныкает, соблазнительно бранится своим тоненьким голоском. Её лицо очень красиво.

Иное дело Эльвира, к которой мы тоже заходили. Она уже сложившаяся женщина, холодная, циничная, не вызывающая особых вожделений, трезвая, не способная увлекаться и увлекать. Она хороший товарищ и порою симпатична. Это — полюс, противоположный Женичке.

Инна Феоктистова — мягкая женственная натура; проста, без претензий, но и без холодного цинизма, не слишком умна, но приятна. Она возбуждает интерес и не только физический.

Но всё же Женя мне милей. Инна была бы хорошей женой, Женя — прелестной подружкой. Но увы, этого не дано. Так не желают судьбы.

Эльвира уезжает в среду в Москву.

Г(о)рький: «Любят — так уж тут не до царей.»

Молодость прекрасна и мгновенна, ей на смену идёт плодovitая зрелость.

1952 год

6 ноября. Итак, я почувствовал себя, наконец, прочно осевшим в гнезде. Весь круг моих ребят распался. Я нашёл лишь Герулю, Витю, сегодня встретил Гарика. Эльвира в Москве. Женя в мединституте, здесь, я встретил её как-то на улице. Она занимается баскетболом под руководством одного медика третьего курса. Моя физиомордия покрылась крупными красными прыщами, к[ото]рые внушают мне отвращение к зеркалам. Настроен я также не в пользу любвей и увлечений. Но всё это ерунда! Что ж я пишу. . .

Сегодня первый день мама лежит дома, вчера привезли её из первой совбольницы, где она провела неделю с переломом большой берцовой кости левой ноги.

Гипсовую повязку снимут 15 декабря.

Все мои планы на ближайшее будущее разлетелись в пыль.

Теперь я надеюсь лишь на выдвижение «Pawenir!» — как сказала Растиньяк. Путь awenu d'esptit не гладок и тернист, но, как сказал Марк Твэн, нет зрелища печальнее, чем молодой пессимист или старый оптимист.

Много читаю.

Кончаю «Education sentimentale» на французском языке. Прочёл первую треть Лесажевского «Жиль Бласа». Прочёл книжечку стихов Брюсова «Избранное» Есенина и вот читаю Эмиля Верхана; в Ленинграде читывал Гейне и Блока. Ни Блок, ни Есенин, ни тем

более холодный и вымученный Брюсов не трогают меня. Я люблю Гейне и мне нравится Верхарн.

Интересно, за кого проголосовал 4-го числа «средний американец»? Мы все уверены, что выберут Эйзенхауэра. Но что дальше? Нападать на нас — безумие. В военном отношении мы сильнее всех в мире. Морганы, Ламонты, Дюпоны, Рокфеллеры, Вильсоны, Гарриманы, Меллоны не так глупы. Следует сделать вывод, что мы сохраним мир на своих границах, но наши соседи могут быть втянуты в кровавые конфликты.

Говорят, в Корее увязли лучшие войска Америки.

8 ноября. Избран Эйзенхауэр. Интересно, что предпримет этот идиот?

Праздники я провёл недурно; правда, в демонстрации не участвовал впервые за последние 6–7 лет. Вчера был на вечере молодёжи в Опере и, когда немного выпил водочки и спотыкача, вдруг так захотелось Женю, что я не выдержал и немного растрепался. Сашке Рубенко и Фимке Бугаю. Немного. Но Женю я очень хотел! Алкоголь — страшное дело. Сегодня узнал, что третьекурсник Герка Зубченко из Мединститута имеет узаконенную подругу, а за Женей ухаживает какой-то медичок из её группы.

А сегодня я зашёл к Поле, бывшей эльвиркиной подруге, взять её адрес, и вспомнил Эльвирку. Как ведётся у меццанок, у зеркала Поли между прозрачным стеклом и зеркалом вправлены две фотокарточки с Эльвиркой. — Ой! Как у меня сжалось сердце.

Эльвира!

Сердце моё!

Добрая толстушка, ленивая голубоглазая Венера с маленькими коленками, пышнотелая, простодушная и хитрая. . .

Я взял у Поли адрес и фото — чтобы переснять. Глядя на её фото, я хочу кричать от сладостной тоски. Быть бы с нею рядом, ласкать её взглядом, держать её руку, говорить с ней о любви. . . Напрасно я всегда переживал в разговорах с ней лёгкий шуточный тон, ведь не то я хотел ей говорить.

Эльвира. . .

Далеко. Жаль. Милая.

10 ноября. Когда, черт возьми, утихомирится сердце? Немножко стыдно перечитывать позавчерашние строки, но Эльвиретта и в самом деле прелесть на этом фото.

Адрес Эльвиры: г Москва, Лефортовский вал, 7а, корп. 1, кв. 56.

Адрес Юрки Селезнёва: г. Москва, ул. Житная, д. 11, кв. 6. Писать нужно: Москва, 49, до востребования, Ю. Н. Селезнёву.

Маме плохо спать ночью.

9 декабря. Вторник. Уважать людей только а их знания — верх глупости. Поэтому уважающие себя люди всегда стараются ничем, кроме творчества, не проявлять своих знаний. Знания обретаются лишь для труда; иначе они не нужны, они — потерянное время; знания без труда — мука. Нет никого счастливее глупого бездельника — и нет ничего отвратительнее.

«Лишних людей», уважают за то, что они пытались что-то делать. Узнавать лишнее — безумная расточительность сил и молодости.

25 декабря. Мама всё ещё бюллетенит. Гипс снял, ходит на костылях.

Видел французский фильм «Опасное сходство», по драме Гюго «Рюи Блаз». Режиссёр — Пьер Бийон, донна Сезара де Базана и Рюи Блаза играет Жан Марэ: великолепно играет, особенно — донна Сезара. Хорошо играет артист, исполняющий роль Саллюстия де Базана. Лучше всего получились жанровые сцены (разбойничий притон, бегство донна Сезара (Зафари) из церкви). Есть элементы натурализма (раздевание разбойниками слуги; плечики королевы). Силён конец.

Но вот сегодня я дочитал «Манон Леско». Бесхитростная и правдивая история; несмотря на витиеватый язык, всё это очень честно и правдиво. Аббат Прево — первый реалист в современном романе: «Дон-Кихот» играет самостоятельную роль. Аббат Прево умел писать безыскусственно, как есть жизнь. Эпоха Людовика XV, молодого Вольтера, политическое затишье, в котором рождались великие идеи Просвещения — быт предстаёт перед нами с необыкновенной чёткостью. Вот что писал о нём Анатоль Франс: «Ему редко удавался такой простой рассказ: то была “История кавалера де Гриё и Манон Леско”. Любовь Манон длится всю жизнь, и она остаётся верной только неделю. Ей нужны тряпки и ужины; она живёт наслаждением; она остаётся очаровательной даже в повозке, которая её отвозит в Приют; как её не любить! Этот юный кавалер, который из-за неё становится шулером и прячет карты в манжеты, внушает истинную жалость. Эти двое детей, конечно, бездельники; но подождите, пока жизнь как следует их помнёт, пока они станут действительно несчастными, и тогда вы увидите их величественными. Одна и та же любовь создаёт героев и подлецов. Когда смерть в пустыне настигнет прекрасную Манон, когда у неё останутся только воспоминания, эти воспоминания будут исполнены прелести и умиления. Многие, закрывая книгу, скажут: “О Манон, как бы я любил тебя, если бы ты была жива!” Всё естественно, всё подлинно, всё справедливо в этой маленькой книге. Когда Прево самым простым способом создал это чудо искусства, он написал в виде предисловия две странички морального рассуждения. Это нечто вроде косынки, накинутой на плечи Манон. В этом маленьком отрывке он льстит себя надеждой, что ему удалось написать произведение, полезное в нравственном смысле. Я бы очень хотел этого. Но, мой милый аббат, эти прекрасные мысли появились у вас после того, как книга была окончена! Работая пером, вы были вдохновлены только воспоминаниями о первой страсти. Точно так же греческий романист, увидев в священном лесу намф, рассказал историю любви».

Почему мы не умеем писать, как Прево: трогательно и просто? Потому что нас отделяют от него сотни поколений с измочаленными нервами, жестокие войны и революции, чувствительный Жан-Жак, мелодрамы Пиксерикура, Байрон, Леопарди, Гюго и куча более дешёвых романтиков с их трескучими эффектами, потом Эрнст-Теодор-Амедей Гофман и немецкая чертовщина, а там — тьма тьмущая формалистов, натуралистов, вертижинистов... истов... истов. Они все кое-что сделали, они глубоко закопались в человеческую

душу и научились красно говорить. Но они испортили вкус наш, отучили нас от простого языка и правдивой манеры «напыщенного» аббата Прево.

Достоинства прозы заключаются в простоте и лаконизме. Поэты испортили прозу.

Писать просто учил Лев Толстой; он только слишком вдавался в подробности.

Мой любимый Бальзак — типичный антипод стилю Прево. Очень умный Чехов верно говорил, что нужно брать куски из жизни; он ослаблял сюжетную линию и требовал, чтобы в пятом акте не было ни выстрелов, ни свадебных шампанских бокалов. К чорту развязку. В большинстве жизней развязки не бывает: они остаются недописанными. Так и писать надо. У Драйзера Купервуд тоже умер недописанным: это правдивый, жизненный конец. Вот и у Прево: жизнь Манон пресеклась внезапно и нещадно, без романтической «развязки», а жизнь де Гриё он не дописывает сам — и это правда.

Пушкин очень умно поступил, показал себя истинным гением, когда оставил роман Евгения недописанным: ведь этот кусок жизни можно продолжать без конца. Резко высеченные, гравированные сюжеты хороши только для небольших новелл; хороши они были для Гомера, но это чересчур старо для подражания. Мою мысль подтверждает народный эпос, фольклор: обычно богатырь не гибнет, а засыпает (Фридрих в Кифгойзере, Давид Сасунский, Чапаев) или скрывается, как Стенька, до своего часу.

Долой развязку! Пишем без конца. Важен дух, а не сюжет. Даёшь эпопею!

Надо кончать бесконечностью! Развязкой должна быть завязка. Каждый конец должен представлять собой зародыш нового сюжета. У Шекспира над трупами Ромео и Джульетты водворяется мир в Вероне, а голова Макбета украшает триумф справедливости и служит залогом будущего счастья. Конец — это может быть затишье, но ведь жизнь-то не кончается.

Так-то.